ТРАНСНАЦИОНАЛИЗМ *VS* ГЛОБАЛИЗАЦИЯ

Обострившаяся в мировом масштабе проблема мультикультурализма требует от правительств государств и других субъектов межнациональной политики новых знаний о природе социальных, культурных и политических фобий, толерантности и политкорректности. Наш журнал предлагает читателям расширить свои представления о возможностях решения сложных вопросов, познакомившись с позицией признанного эксперта в области политической теории профессора Университета Тулейн (Новый Орлеан, США) **Рэймонда ТАРАСА.**

Исследователь родился и учился в Монреале, где впоследствии получил степень бакалавра политологии с отличием. Продолжил образование в Англии, в университетах Сассекс и Эссекс – занимался проблемами политической науки и государственного управления. Затем окончил докторантуру в Варшаве. Р. Тарас свободно говорит на пяти языках, в том числе на русском. Помимо политических наук, ученый является экспертом в области культурологии, мировой литературы и кино.

Рэймонд Тарас – автор более десятка книг, в том числе о распаде СССР, росте либерального и нелиберального национализма, международном измерении этнических конфликтов и угрозах ксенофобии в Европе.

Предлагаем читателям интервью с профессором Р. Тарасом и отрывок из его книги «Европа Старая и Новая: транснационализм, принадлежность, ксенофобия» («Europe Old and New: transnationalism, belonging, xenophobia»). Беседу ведет автор монографии «Идентичность в эпоху глобальных миграций» (совместно с М. Розановой), кандидат политических наук **Сергей АКОПОВ**.

– Профессор Тарас, я бы хотел начать интервью с нескольких вопросов общего характера. Я знаю, что Вы родились в Канаде, однако с тех пор путешествовали и преподавали в университетах по всему миру. Что Вас заставило сотрудничать в исследовательских программах в самых разных странах мира? Гораздо проще было бы развивать академическую карьеру, оставаясь в одном Университете.

– Мысль, что интеллектуальное сотрудничество с коллегами в различных странах мира равнозначно своего рода космополитизму, может быть кому-то лестна, но не для меня. Вместе с тем сегодня для большинства людей развитие ряда навыков, которые способствуют мобильности в мультикультурной среде, имеет важное значение. Однако не менее важно иметь чувство идентичности, чувство своего происхождения, укорененности. Именно на этой основе мы можем наиболее эффективно строить кросскультурные академические сообщества. Я полностью согласен, что намного легче развивать академическую карьеру, оставаясь в одном университете, с оговоркой, что этот университет ценит важность интеллектуальной жизни и объективность ученого.

– Согласны ли Вы, что культура и культурные ценности определяют политические реалии и что, например, демократия может быть истолкована по-разному из-за различий в культурных ценностях стран мира?

– Демократия и демос для афинян в античности означали совсем не то, что для «старых» демократических систем, основанных на Западе (в Великобритании, Франции, Нидерландах). Эти понятия расширились еще больше, когда начали использоваться в словаре «новых демократий». Так что, да, политическая культура приобретает критически важное значение в формировании и эволюции демократической системы, причем политическая культура сама себя постоянно меняет, по крайней мере в пограничных областях.

– В книге «Европа Старая и Новая» Вы пишете об опасностях транснационализма, что в конечном счете он может отражать экономические интересы и перспективы элиты мира (p.73). В то же время транснационализм и наднациональное движение представляются неизбежными, поскольку глобализация прогрессирует и государства-нации ждут своей заменены более крупными объединениями. Есть ли у Вас предложения, как мы могли бы развивать транснационализм в положительном ключе?

– Экономическая и культурная глобализация как процесс оспаривается с начала 1990-х, когда он заполнил собой очищенное пространство, образовавшееся после конца «холодной войны». Сторонники глобализации использовали мантру «глобализация неизбежна», чтобы дальше продвигать направления непопулярной политики.

В отличие от глобализации, транснационализм, который находит свое отражение в международных нормах, направлен на обеспечение уважения принципов национального самоопределения, верховенство закона (то есть транснациональные корпорации не освобождаются от этих принципов), и разные пути достижения демократии здесь только приветствуются. Неправительственные организации, поскольку они действительно являются частью гражданского общества, а не придатками государственных или корпоративных интересов, играют важную роль в содействии строительству наднациональных связей.

– Очевидно, что ксенофобия, образ врага основаны на страхе внутри нас. Что мы, как представители общественных наук, можем сделать, чтобы удалить или уменьшить этот страх в наших соотечественниках?

– Это серьезный вопрос, и он заставляет нас задуматься о том, как важно, чтобы представители общественных дисциплин объединяли теорию с праксисом (термин praxis (праксис. – *Авт.*) почти вышел из употребления, но его значение сохраняет свою актуальность. – *А.С.*). В готовящейся к выходу книге «Исламофобия и европейские ценности» я подчеркиваю необходимость ор-

ганизации откровенных дебатов по вопросам иммиграции и интеграции. Именно навязывание определенными политическими элитами табу на эти темы частично объясняет рост влияния правых партий в большей части Европы.

«Тревога перед незнакомцем» – вот концепция, которую детские психологи применяют для описания страха у ребенка, впервые сталкивающегося с тем, кто о нем раньше не заботился. Страх – это естественная человеческая эмоция. Однако вопрос, почему боязнь незнакомцев в детстве должна быть преобразована в ненависть к инородцам в зрелом возрасте, требует более сложного анализа.

Паникерство этнических и религиозных меньшинств, а также «предпринимателей от иммигрантов», безусловно, вносит свой вклад. В то же время обществоведам редко удается социальная инженерия, в отличие от политиков. Стратегия осуждения таких «предпринимателей от политики» может принести нам успех в снижении уровня паники, может способствовать социальной инженерии более глубокого и толерантного общества. Причем такие клише, как «празднование многообразия» («celebrating diversity») – и, возможно, даже идеология мультикультурализма, – не оказывают помощь, а скорее препятствуют достижению толерантности.

– Сегодня мы все находимся под большим влиянием СМИ. Считаете ли Вы возможным для политических мыслителей дистанцироваться от пропаганды, и если да, то каким образом? Иными словами, насколько аполитичным может или должен быть политолог, если обычно получаемая информация приходит из сообщений СМИ, которые вряд ли можно назвать политически нейтральными?

– Иконоборцы, бунтари и дилетанты – вот те, с чьей помощью создаются проекты изоляции нас от реального положения дел в пользу поставщиков пропаганды. Сейчас немодно говорить о ложном сознании нашей эпохи, но ошибочные идеи продолжают оказывать влияние на широкие слои современного общества. Когда ученые или журналисты не желают или не в состоянии обнародовать факты даже после их обнаружения, то Интернет в качестве нового независимого СМИ может быть очень эффективным в распространении таких фактов для большой аудитории.

Может ли политолог быть аполитичен, если информация, которую он получает, обычно приходит из тенденциозных источников? Нет, но он может сохранять объективность, аналитичность и «научность», подвергая полученную информацию критической оценки еще до нормативных заключений.

– Вы хорошо знакомы с нашей культурой; читали Пушкина и Набокова на русском языке, даже участвовали в русскоязычных театральных спектаклях, поставленных кафедрой славянских языков университета Тулейн. Как Вы думаете, почему еще есть русофобия и что питает русофобию в разных частях мира?

– Те на Западе, кто читал Пушкина, вероятно, принадлежат к немалой общине русофилов, которые питают глубокое восхищение русской культурой. Мой текущий проект включает изучение русофобии в Польше в течение последних двух десятилетий. Я также анализирую, формирует ли наличие русофобских отношений внешнюю политику Польши в отношении России. Наиболее важными и обнадеживающими являются выводы об устойчивом снижении русофобии в Польше и о внешнеполитической ориентации в направлении России – ориентации, которая больше зависит от того, какая политическая партия находится у власти в Варшаве, чем от общественного мнения. В значительной степени отношение Польши к России можно объяснить историческими претензиями. Это отличает Польшу от США, где идеология, разработанная в период «холодной войны», продолжает оказывать влияние и убеждать рядовых американцев с подозрением относиться к своим бывшим соперникам по мировой гегемонии.

Конечно, мы можем ввести бихевиористскую модель «стимула-реакции», согласно которой действия российских политических лидеров влияют на общественное мнение либо положительно, либо отрицательно. Однако существует и культурно-идеологический багаж, который вмешивается и делает модель «стимул-реакция» слишком упрощенной, а ее объяснительную силу ограниченной.

– Могли бы Вы сделать какие-либо предложения о принципах или наилучших способах интеграции России в глобализованный мир?

– Мне рассказывали, что, когда я был маленьким, то подростка, которого приглашали присматривать за мной, пока мои и его родители шли в ресторан, звали Збигнев Бжезинский. Независимо от стереотипов на его счет в России, Бжезинский в 90-х годах громко выступал против унижения России в момент ее относительной слабости. Я не могу сказать, насколько я подвергся индоктринации со стороны Бжезинского в мою бытность впечатлительным ребенком. Но если я признаю, что после проблемных 90-х годов достижение политической стабильности в России было замечательным, то я также считаю, что Российская Федерации должна теперь опираться на эту стабильность для создания большей политической конкуренции и возможности оспаривать политику.

Этот термин является более описательным и менее ценностно нагруженным, чем демократия. Он просто предполагает, что в политической системе существует возможность для граждан ставить под сомнение политические решения правительства. Граждане участвуют в политике и готовы занять активную позицию в отношении конкретных ее сфер. Они могут поддерживать или же спорить и оспаривать ее. Конкуренция требует больше, чем просто существование партийной системы, избирательного процесса или теневой оппозиции, которая может представлять собой альтернативу в управлении страной. Возможность оспаривания политических результатов в стране – возможность,

предполагающая реальную вовлеченность общественности (свидетельство политической культуры участия), а не политика, кем-то поставленная, сманипулированная, церемониальная – все это повысит престиж России на международной арене и подчеркнет ее политическую зрелость.

– В десятой главе Вашей книги «Понимание этнических конфликтов: международное измерение» Вы пишите: «Проблема в том, что даже в самых благоприятных обстоятельствах интервенция, будь это международная организация или великая держава, скорее всего, будет вызывать подозрения. Интервенция будет восприниматься как служение интересам третьей стороны, а не декларируемой цели – урегулированию данного конфликта». Что политические мыслители и интеллектуалы могут сделать, чтобы решить эту проблему?

– Я аргументирую в своей книге, что вмешательство во внутренние дела других государств должно быть исключением, а не правилом. Оно менее спорно, когда осуществляются международными организациями, например, Организацией Объединенных Наций, Европейским союзом или Африканским союзом. Военное вмешательство должно состоять из многонациональных сил, организованных таким образом, что ни одну страну или кондоминиум стран нельзя было заподозрить в преследовании собственных интересов.

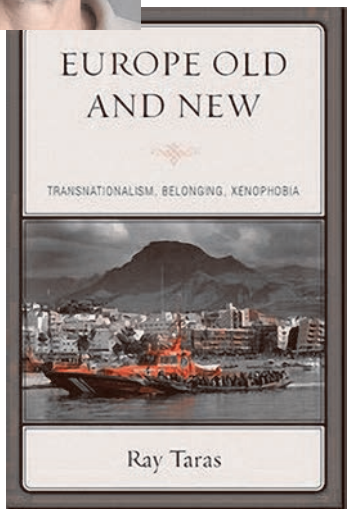
Дальнейшие соображения по поводу того, вмешиваться или не вмешиваться во внутренние дела других стран, заключаются в том, чтобы оценить философские аргументы в поддержку доктрины справедливой войны. Необходимо оценить: могут ли эти аргументы подтвердить обоснованность интервенции в каждом конкретном случае. Эпистемические сообщества должны действовать в качестве «системы раннего оповещения», в роли независимых наблюдателей, критически оценивающих перспективы таких интервенций. Чтобы заслужить доверие, интеллектуальное сообщество должно быть по-настоящему международным, одновременно аккумулируя в себе разные культурные ценности.

– Таким образом, мы вернулись к исходной точке нашего интервью. Спасибо, профессор.

Специально для журнала
«Государственная служба».
Санкт-Петербург – Новый Орлеан –
Москва

Рэймонд Тарас. «Европа Старая и Новая: транснационализм, принадлежность, ксенофобия» Europe Old and New: transnationalism, belonging, xenophobia. Rowman & Littlefield, Lanham, 2009.

ГЛАВА 4. ПОЛИТИКА ФОБИЙ. ИММИГРАЦИЯ И КСЕНОФОБИЯ: ГОДЫ СТАНОВЛЕНИЯ

Доброжелательное отношение к иностранцам, возможно, представляет собой лакмусовую бумажку современного демократического прогресса. Как отмечал Балибар, «все чаще и чаще модальности, в которых определяются и реализуются политические программы **борьбы против исключения и дискриминации**, составляют критерий демократии в мире, в котором самодостаточная национальность исчезла» [*Balibar*, We, the People of Europe? 24].

Ксенофобия буквально означает «страх перед иностранцами». Ксенофобами считаются люди, питающие негативное отношение к иностранцам, в основном мотивированное страхом перед ними. Объемный массив литературы, исследующий психологические основы ксенофобии, указывает на то, как внешние угрозы вызывают рост внутригрупповой солидарности и этноцентризма и, как следствие, содействуют интолерантности и закрытости мышления [Подробную библиографию см.: *Gallya Lahov.* Immigration and Politics in the New Europe: Reinventing Borders (Cambridge: Cambridge University Press, 2004), 189-190]. <…>

Наиболее важным фактором, стимулировавшим развитие ксенофобии (в Европе. – *А.С.*) начиная с 1960-х годов, стало появление именно иностранцев из стран «третьего мира» – то есть отнюдь не иностранцев из какого-либо другого европейского государства. Хотя «неевропейцы» веками селились на континенте, разница теперь была именно в количестве приехавших в Европу в течение достаточно короткого промежутка времени. Несмотря на то, что европейцы оказалась в состоянии принять и абсорбировать вновь прибывших в плане практическом – предоставляя работу, жилища, школы, услуги здравоохранения, – тем не менее принимающие общества были именно психологически не готовы к мультикультурному движению, вытекающему из этой крупномасштабной иммиграции.

Стандартное возражение в отношении враждебности к новым мигрантам состоит в том, что все мы – так или иначе – являемся потомками иммигрантов. Иммиграция определяла и формировала большинство стран мира, так почему же люди сегодня смотрят на это как на отклонение от нормы или угрозу? <…>